

неимѣющему будущности и ничтожному въ сравненіи съ тѣми произведеніями тѣхъ же искусствъ, образчики которыхъ мы находимъ въ народѣ. Я убѣдился, что лирическое произведеніе, какъ напр., «Я помню чудное мгновеніе», послѣдняя симфонія Бетховена,—не такъ безусловно и всемірно хороши, какъ пѣсня о «Ванькѣ Ключникѣ» и папѣвъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», что Пушкинъ и Бетховенъ правятся намъ не потому, что въ нихъ есть абсолютная красота, а потому, что мы также испорчены какъ Пушкинъ и Бетховенъ, потому что Пушкинъ и Бетховенъ одинаково льстятъ нашей уродливой раздражительности и нашей слабости» (308).

Самое требованіе невмѣшательства въ дѣло образованія народа, противящагося будто бы принимать *наше* образованіе,—и есть плодъ этого убѣжденія гр. Толстого въ нашей глубокой «испорченности». Отсюда, конечно, уже рукой подать до отрицанія всякой цивилизациі, что онъ и дѣлаетъ. Народъ, по его мнѣнію, благу отъ литературы нашей никакихъ не получаетъ и не будетъ получать (ибо для этого ему надо перестать быть тѣмъ, что онъ есть—«человѣкомъ удовлетворяющимъ самъ всѣмъ своимъ потребностямъ»); не получаетъ народъ никакихъ выгодъ и во всемъ вообще *нашемъ* прогрессѣ (приводятся доказательства), а такъ какъ народа больше, чѣмъ общества, то и большая доля правды—на его сторонѣ; а правда эта—та, что прогресса никакого нѣтъ, да и не было никогда.

Образовываются, такимъ образомъ, у гр. Толстого два типа (именно типа—такъ рѣзко обозначена у него разграничивающая ихъ во всемъ линія!): «гармоническій», нетронутый еще цивилизаціею народъ, самъ удовлетворяющій всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ,—и мы, уже тронутые ею, кичащеся ею передъ младшею нашею братіей, на которыхъ гр. Толстой уже махнулъ рукой: «лѣкарство,